

неисчерпаемой любви к ближним, хотя в полной мере писатель осознает и принимает ее лишь на каторге.

Об этой записи «видения на Неве» самого писателя чуть позже в статье говорит и Д. Д. Благой. И даже рассказывает читателям о журнале «Время», созданном Ф. М. Достоевским в 1861 году, где он полемизировал с современными ему критиками из других изданий (Добролюбовым, Катковым и другими), поднимая самые злободневные вопросы. В частности, он заступался за А. С. Пушкина, отстаивая его звание «величайшего «народного» поэта-художника» (С. 127). А в первом номере издания, во «Введении» к ряду своих статей о русской литературе и были помещены «Петербургские сновидения в стихах и прозе», содержащие, «несмотря на легкую, подчеркнута «фельетонную» форму, нечто весьма серьезное – своего рода итоговый обзор пройденного им до этого времени жизненного пути и одновременно основного содержания его творчества 40-х годов» (С. 127). Предварялись же эти размышления «видением на Неве» – заключительными строчками из «Слабого сердца», только сказанными от лица самого писателя, а не его героя.

Таким образом, Д. Д. Благой подводит читателя к следующему: как и пушкинский герой «Медного всадника», которого он называет прообразом мелкого чиновника Васи из «Слабого сердца», писатель и созданный им персонаж в тот роковой зимний вечер узрели всю призрачность и пустоту Петербурга как города, построенного на болотах и человеческих костях, а значит, не имеющего корней и враждебного для любой живой души: «... город над морем и Невой (олицетворение всего последующего строя русской общественно-политической жизни), город, лишенный корней в родной земле (здесь уже зерно

будущего почвенничества Достоевского)» (С. 127).

Эта мысль – крамольная сама по себе для советской эпохи – не могла не вызвать интерес у читателей, что для журнала, транслирующего позицию власти и имевшего вследствие этого репутацию «скучного», было весьма немаловажно. Тем более, что редакция, как вытекает из анализа номеров двух десятилетий (1970-х и 1980-х), сделала для себя целью постепенно знакомить аудиторию с настоящими идеями, а не фальшивыми лозунгами, и прививать хороший вкус в выборе богатой русской литературы.

Автор Д. Д. Благой адресует своему читателю зашифрованное послание, говоря о том, что осмысление творчества Ф. М. Достоевского заключается в понимании его «гуманистической веры в конечное торжество человеческого в человеке», по-видимому, надеясь, что вдумчивый и глубокий читатель отсеет идеологическую «шелуху», оставив только веру в Христа, как главное зерно творений подлинно русских гениев.

Литература

1. Благой Д. Д. «Достоевский и Пушкин» // Москва. 1971. № 11. С. 201. Далее произведение цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

2. Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1981. Далее произведение цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

3. Татаринов А. В. Диалог с Достоевским // День литературы. 2008. 06(140).

4. Кожин В. В. Роман – эпос нового времени // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964.

5. Селезнев Ю. И. В мире Достоевского. М., 1980.

R. V. KARAPETOVA. D. D. BLAGOY FOR A. S. PUSHKIN AND F. M. DOSTOEVSKY (ON THE MAGAZINE «MOSCOW»)

On the creative way F.M. Dostoevsky through the prism of biography A.S. Pushkin. Detection and investigation of parallels in the works of the classics given on Russian culture magazine «Moscow» in the early 70-ies of XX century.

Key words: magazine «Moscow», Russian literature, realism, genius, image problems, the pathos of modernity.

Ю. А. РЫЖЕНКО

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГЛАГОЛЬНО-ЛИЧНЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В статье рассматривается синтаксическая природа определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных односоставных предложений; исследуются их структура, семантика, функционирование.

Ключевые слова: структурно-семантическое направление, односоставные предложения, вещественное и грамматическое значение, грамматическая форма.

Учение об односоставных предложениях, которые «представляют собой один из продуктивных типов простого предложения, вызванных к жизни потребностями человеческого мышления

и общения» [1], занимает важное место в теории синтаксиса и имеет длительную историю. Более полувека тому назад академик В.В. Виноградов, говоря о проблемах изучения простого

предложения, подчеркивал, что «вопрос о формах и типах грамматических построений односоставных предложений нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности их структуры соотносительно с основными типами двусоставного предложения» [2].

Несмотря на обширную литературу, посвященную изучению односоставных предложений, и большое количество исследований, проведенных в этой области синтаксиса, проблема односоставности остается актуальной и постоянно вызывает интерес у лингвистов.

Исследования односоставных конструкций и сегодня осуществляются в рамках структурно-семантического направления, которое, как справедливо отмечает В. В. Бабайцева, занимая в современной русистике важное место среди новых концепций, является очередным этапом эволюции традиционного языкознания, которое «не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных исследований языковых явлений» [3].

В статье рассматриваются вещественное и грамматическое значение, грамматическая форма главного члена глагольно-личных односоставных предложений, их семантика и функционирование. К глагольно-личным относятся определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения, называемые так потому, что передают отношение к грамматическому лицу. Напомним: классификация глагольных односоставных предложений основана на грамматическом смысле самого понятия лица.

Академик А. А. Шахматов в своем фундаментальном труде «Синтаксис русского языка» впервые в истории отечественного языкознания выделил односоставные предложения в особый (самостоятельный) тип (наряду с двусоставными) и дал их научно-теоретическое обоснование.

В односоставных предложениях предикативность выражается с помощью одного абсолютно независимого главного члена, который и является их грамматическим центром. Такое понимание главного члена выдвинул А. А. Шахматов [4]. Формально главный член односоставного предложения уподобляется одному из главных членов двусоставного предложения: подлежащему или сказуемому. Ср.: *Зима. – Наступила зима; В дверь постучали. – Охотники постучали в дверь; Иду по улице. – Я иду по улице; В лесу приятно пахнет. – Ландыши приятно пахнет.* Но называть этот главный член подлежащим или сказуемым представляется неправильным. По своему синтаксическому значению главный член односоставного предложения не может быть отождествлен ни с одним из этих главных членов, так как обозначает независимый признак либо утверждает бытие предмета. Главные же члены двусоставного предложения выражают отношение предмета и

признака расчлененно. Следует, однако, заметить, что в школьной грамматике главный член односоставного предложения называется или сказуемым, или подлежащим.

Различия в форме главного члена с учетом его морфологического выражения служат основой для выделения в современном русском языке структурно-семантических типов односоставных предложений: глагольных и именных (субстантивных).

Глагольно-личные односоставные предложения, основу грамматической формы которых составляет их главный член, выражают независимый признак: *Люблю глаза твои, мой друг* (Ф. И. Тютчев); *В зале играют в карты; Клином клином вышибают* (Пословица). В главном члене представлены два значения: вещественное и грамматическое. Вещественное значение – это конкретное название признака или действия. Грамматическое значение – это отношение независимого признака к «идее субъекта», к лицу и к моменту речи. Отметим, что грамматическое значение главного члена в каждом типе глагольно-личных односоставных предложений специфическое, отдельное.

Вещественное и грамматическое значение в главном члене может быть соотнесено по-разному: 1) оба значения выражаются в одной словоформе (синтетически), например: *Еду в Москву*; 2) оба значения выражены раздельно, разными словоформами (аналитически), например: *С каждым годом становлюсь мудрее.*

Специфичность грамматической природы определенно-личных предложений связана со способностью русского языка передавать персональность одним главным членом предложения. Так, глагольные формы 1-го лица (говорящий) и 2-го лица (собеседник) передают отношение к лицу вполне определенно, и не требуется специальный член – подлежащее. В основе структуры определенно-личных предложений как раз и лежит свойство русского языка опускать личные местоимения 1-го и 2-го лица, так как в самой личной форме глагола уже есть указание на действующее лицо. Персональность выражается морфологической формой глагола (или включает ее) определенно. Это личные окончания глагола 1-2-го лица изъявительного наклонения и 2-го лица повелительного наклонения. Поэтому данные конструкции и называются определенно-личными: *Люблю дымок спальной жнивы...* (М. Ю. Лермонтов); *Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!* (А. С. Пушкин); *Запишите задание на дом; Хотите похудеть?*

Передача значения определенного лица морфологически ограничена, что приводит к неполной парадигме этих предложений: невозможность 3-го лица, прошедшего времени и условного наклонения. Ср.: *Еду по улице* и *Едет по улице* – это не одно и то же. В первом примере значение 1-го лица (я) заключается в совпадении деятеля с говорящим; в качестве

подлежащего возможно только местоимение *я*, т.е. слово, основное значение которого сводится к определению говорящего лица. Во втором примере не указано, кто едет: это может быть человек (например, на велосипеде), машина и т. д. Поэтому данное предложение квалифицируется как двусоставное неполное (с опущенным подлежащим). Неполными будут предложения типа *Пришел, увидел, победил* (Ю. Цезарь); – *Ты стал бы моряком? – Стал бы.*

Грамматическая форма главного члена определенно-личных предложений характеризуется обозначением действий и конкретных указаний на деятеля. Эти два элемента могут находиться в разных соотношениях, что позволяет выделить структурные подтипы определенно-личных предложений [5]:

1) спрягаемо-личные конструкции, в которых оба элемента грамматической формы главного члена соединены либо в личной (1-е или 2-е лицо) форме глагола: *Повторите пройденный материал*, либо в описательном глагольно-именном обороте: *Скорее принимай решение*, либо во фразеологизме глагольного типа: *По-прежнему считаешь ворон?*;

2) спрягаемо-инфинитивные предложения передают элементы грамматической формы разными компонентами (аналитически): в спрягаемом компоненте содержится указание на деятеля, а в инфинитиве выражается действие (независимый признак): *Хочу выступить на сцене; Учись любить природу;*

3) связочно-именные конструкции также имеют аналитическую структуру главного члена: указание на деятеля заключается в личных окончаниях связки, которая является вспомогательным компонентом, а независимый признак выражен именным компонентом: *Стань добрее меня, стань ласковее* (Н. Добронравов); *Не будь равнодушен к чужой беде.* Вспомогательный компонент иногда осложняется модальными глаголами: *Хочешь быть грамотным?* Особенности функционирования связок в односоставных личных предложениях с именным главным членом подробно рассматривает Л. В. Попова [6].

Определенно-личные предложения являются полными. Это их существенный структурно-семантический признак. Включение в них подлежащего ничего не изменяет в семантике, поскольку определенное лицо (1-е или 2-е) выражено в них грамматически. Личное местоимение не нужно для полноты высказывания: форма личного глагола уже содержит в себе указание на источник действия, выраженного сказуемым в личной форме глагола. Двусоставные и односоставные определенно-личные структуры – это стилистические синонимы, соотносительность этих структур на уровне конкретного предложения характеризуется вариантностью, ср.: *Иду на работу – Я иду на работу.* Разумеется, личное местоимение структурно значимо: посредством введения его односоставная конструкция трансформируется в двусоставную.

В. В. Бабайцева подчеркивает, что «дискуссионным остается вопрос о месте определенно-личных предложений в системе структурно-семантических

типов простого предложения» [7], что они занимают особое положение среди глагольных односоставных предложений – на границе с двусоставными, т.е. обладают, по сути, синкретичными свойствами.

Определенно-личные предложения используются в поэзии, употребляются в разговорной речи. Они встречаются преимущественно в монологах или диалогах, в живом процессе общения.

В неопределенно-личных предложениях главный независимый член морфологически выражен глагольной формой множественного числа: или 3-его лица настоящего – будущего времени, или прошедшего времени (или он включает такую форму): *Обо мне тоже вспоминают, меня ждут* (А. П. Чехов); *Потом его в степи без чувств нашли* (М. Ю. Лермонтов). Форма множественного числа – это важнейший признак неопределенно-личных предложений. Именно множественное число (вместе с отсутствием подлежащего) создает то специфическое грамматическое значение этих конструкций, которым так часто пользуется носитель языка, желая подчеркнуть неважность, незначительность того, кто является производителем действия. Специфическую особенность неопределенно-личных предложений, смысл которых состоит в констатации действия, составляет отвлечение действия от его производителя. Кроме того, форма множественного числа в данных предложениях не имеет значения множественного числа; она имеет значение неопределенного числа, так как за нею может скрываться либо одно лицо (деятель), либо несколько лиц. Поскольку форма множественного числа имеет значение неопределенного числа, постольку и предложение называется неопределенно-личным.

Передавая неопределенность действующего лица, рассматриваемые предложения используются, как правило, в трех случаях (это их семантико-стилистические функции): 1) важен сам факт действия, а не его известный субъект: *Меня вызывают к директору; К вам приехали;* 2) субъект действия неизвестен: *В дверях звонят* (Н.В. Гоголь); *Били в набат* (А.С. Пушкин); 3) субъект действия не назван намеренно: *Пишут, что...; Сообщили, что...*

Некоторые неопределенно-личные предложения в разговорной речи обозначают действие, которое производится самим говорящим: *Тебе (вам) говорят; Тебя (вас) просят; Кому говорят!* и под. в значении «говорю тебе», «прошу тебя» и т.п. Эти предложения служат для выражения настойчивого указания, просьбы, приказа.

Неопределенно-личными по форме являются предложения типа *Как тебя (вас) зовут?; Ее звали Ниной* и т. п. С этими конструкциями не связывается представление о действующем лице.

В силу различий в грамматической форме независимого главного члена неопределенно-личные предложения можно подразделить на следующие структурные подтипы [8]:

1) спрягаемо-глагольные конструкции, в которых главный член выражен синтетически –

спрягаемыми глагольными формами (3-е лицо мн.ч. или мн.ч. прошедшего времени): *Поддали жареного кабана с капустой и сливками* (Н.В. Гоголь); *Сейчас его приведут сюда* (М.Горький); *В доме шумят; Перед сдачей строительного объекта иногда тянут kota за хвост;*

2) спрягаемо-инфинитивные предложения содержат два компонента, в которых распределены основные значения главного члена: в инфинитиве заключен признак (действие), а во вспомогательном спрягаемом компоненте выражается отнесенность действия к деятелю и к моменту речи: *Его долго не хотели выпускать за границу;* *В деревне начинают убирать урожай;* *В школе нам пообещали помочь;*

3) связочно-именные предложения также имеют аналитическую структуру главного члена: его основные значения заключаются в связке, выражающей грамматическую категорию времени и отнесенность к деятелю, и в именном компоненте, обозначающем пассивный признак: *В коллективе к нему были несправедливы;* *На кафедре от нее были в восторге.*

Неопределенно-личные предложения имеют полную парадигму форм наклонения и времени, но ограничены 3-м лицом. Повелительное наклонение употребляется в форме 3-го лица множественного числа с частицей *пусть* (*пускай*): *...Я бы в летчики пошел, пусть меня научат* (В. Маяковский).

В обобщенно-личных предложениях независимая глагольная форма способна выражать значение любого (обобщенного) лица (в этом проявляется особенность русского языка). И тогда действие (независимый признак), обозначаемое глаголом, приписывается не какому-либо конкретному лицу (или лицам), а любому, всякому лицу, группе лиц. Примечательно, что это значение обобщенного лица не имеет специфического морфологического выражения. «Структура обобщенно-личных предложений такова, что обобщенное лицо отдельным словом выражено быть не может, такого лица в системе русских личных местоимений нет. Обобщенность передается определенными глагольными формами, которые выражают обобщенность лица только при отсутствующем подлежащем» [9]. Это могут быть формы 1-ого лица множественного числа (такая форма, правда, малоупотребительна): *Что имеем – не храним, потерявши – плачем* (Пословица); 2-ого лица единственного числа: *Дело словом не заменишь* (Пословица); *Береги платье снова, а честь смолodu* (Пословица); 3-его лица множественного числа: *Соловья баснями не кормят* (Пословица).

В обобщенно-личных предложениях сообщается не о конкретной ситуации, а о типичных ситуациях, в которых повторяется одно и то же действие, не связанное с каким-либо определенным человеком.

Выделяют три структурных подтипа обобщенно-личных конструкций в связи с соотношением компонентов грамматической формы главного

члена – выражением действия и указанием на его отнесенность к обобщенному деятелю и к лицу [10]:

1) спрягаемо-глагольные предложения выражают грамматическое значение синтетически (личной глагольной формой или глагольным фразеологизмом): *Слезами горю не поможешь* (Пословица); *Хоть убей, следа не видно* (А.С. Пушкин);

2) спрягаемо-инфинитивные предложения имеют аналитическую форму выражения главного члена: в инфинитиве заключено действие, а спрягаемая глагольная форма вспомогательного компонента содержит указание на обобщенный характер действия: *Начнешь дело делать, доводи его до конца* (К.Г. Паустовский);

3) связочно-именные конструкции элементы грамматического значения главного члена выражают аналитически: в именной части назван независимый признак, а соответствующими личными формами связки выражаются грамматические значения отнесенности независимого признака к обобщенному деятелю и к лицу: *Насильно мил не будешь*. (Пословица)

Благодаря обобщенному оттенку сказуемого данные конструкции широко используются в художественных произведениях, в пословицах, поговорках, сказках, изречениях, афоризмах и носят дидактический характер.

Вопрос о месте обобщенно-личных предложений в классификации отдельных разновидностей односоставных конструкций остается дискуссионным. «Обобщенно-личное предложение – самое уязвимое звено формально односоставных предложений» [11]. Еще в работах А.А. Шахматова и А.М. Пешковского не было однозначного взгляда на грамматическую природу данных построений. В исследованиях по синтаксису наметилось несколько подходов к определению места обобщенно-личных предложений в типологии простого предложения: они представлены как самостоятельный тип глагольно-личных односоставных предложений или как разновидность определенно- и неопределенно-личных. Иногда обобщенно-личные конструкции исключаются из классификации односоставных предложений.

В последние десятилетия подвергается критике отнесенность односоставных личных предложений исключительно к глагольным (активно-процессным), так как предложения одного и того же типа могут быть и глагольными, и связочно-именными (признаковыми) [12].

Многие вопросы квалификации и классификации односоставных предложений остаются нерешенными, что открывает ученым перспективы дальнейших исследований их синтаксической природы.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений в современном русском языке. М., 2004. С. 6.

2. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 396.
3. *Бабайцева В. В.* Структурно-семантическое направление в современном русском языке // Филологические науки. 2006. №2. С. 55.
4. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 2001. С. 50.
5. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974. С. 19–20.
6. *Попова Л. В.* Связка в односоставных личных предложениях // РЯШ. 2009. №4. С. 84–89.
7. *Бабайцева В. В.* Система односоставных предложений... С. 17.
8. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... С. 22–23.
9. *Русский язык. Энциклопедия* // гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1979. С. 167.
10. *Лекант П. А.* Синтаксис простого предложения... С. 26–27.
11. *Ломов А. М.* Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М., 2007. С. 169.
12. Там же. С. 207.

Y. A. RIZHENKO. SEMANTIC AND GRAMMATICAL ORGANIZATION OF VERBAL PERSONAL SENTENCES

The article deals with the syntactic character of definite-personal, indefinite-personal and personal-generalized mononuclear sentences; their structure, semantics, operation are under the research.

Key words: structural and semantic direction, one-member sentences, real and grammatical meaning, grammatical form.

Л. Н. РЯГУЗОВА, С. В. СУПРУН

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ КОНТЕКСТНОГО АНАЛИЗА В ТРУДАХ КРИТИКОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1920–1940-Х ГОДОВ

В статье рассматривается проблема теоретико-литературного обоснования принципов межтекстового анализа в трудах критиков русского зарубежья (А. Бема, П. М. Бицилли и др.), их категориального выражения в индивидуально-авторском творческом опыте и современной научной рефлексии.

Ключевые слова: межтекстовые связи, заимствование, влияние-притяжение, влияние-отталкивание, контекст, интертекст, аллюзия, реминисценция.

Несмотря на то, что русское зарубежье представляет сегодня самостоятельную отрасль или «индустрию» филологической мысли, ощущается недостаток в исследованиях теоретико-литературных проблем в историко-функциональном и генетическом аспектах. В области методологии это направление исследований, позволяющих проследить научное формирование принципов контекстного (межтекстового) и имманентно-текстового (стилистического) анализа в трудах В. В. Вейдле, П. М. Бицилли, А. Л. Бема, В. Ф. Ходасевича, символической выразительности их индивидуальной семиотики.

Сравнительно-историческое освоение наследия классической русской литературы, ее «генетической памяти» и «резонансного» пространства (В. Н. Топоров) обострило интерес к изучению межтекстовых связей, получивших в то время различные метафорические обозначения – припоминания, родственные, однородные тенденции, телепатия, резонанс, совпадения: «литературные припоминания» (А. Бем), «совпадения», «родимые пятна», «параллели» (П. Бицилли), «конвергенция» (Ю. Тынянов), «культурно-историческая телепатия» (М. Бахтин) и др. Реминисцентный код играет роль ключа в понимании текста, становится способом художественного освоения

реальности, приемом «культурологического подсвечивания образов» (И.П. Смирнов), а также всего произведения в форме явной цитации, аллюзии, прямой и полемической реминисценции по типу следования / отталкивания, сюжетной и структурной парафразы. Подобный подход к явлению с двух сторон – выявление пласта понятий, собственных времени 1920 – 1940-х гг., и взгляд на эстетическую сферу зарубежья из дня сегодняшнего, – закономерен, это устойчивый методологический принцип, который позволяет объединить проблемы, связанные с теорией и философией творческого процесса и его описанием, анализом литературных явлений и их генезисом.

В литературоведении 1920 – 1940-х годов отразились напряженные поиски новых методологических подходов к «внешней» и «внутренней» интерпретации литературного произведения.

В их основу легли два основных принципа: 1) имманентный, имеющий дело с текстом произведения и предполагающий эстетический, стилистический, детальный, системный анализ; 2) контекстуальный, находящийся вне самого произведения и имеющий в виду возможность его воздействия на социум и на духовный мир читателя. Сформулированы они А. П. Скафтымовым. Прежде всего это мысль о «внутренней, имманентной